

Храм

Олег Гарандин

2024-03-09

Contents

Молитва

Да святится имя Твое
Молением чуждым, зыбким.
Да святится имя еще
Зажженною лампой.
Да святится имя Твое
Чертогом и пылью.
Да святится имя еще
Постом и пустынью.
Да святится имя Твое
Добровольным причастием.
Да не осквернится имя еще
Чужим именем.
Да святится имя Твое
Свечой неустанной.
Да не сгорит имя еще
Молитвою.

1989

* * *

Светлая дорога
Заросла полынью.
Слева от острога
Справа от гордыни.
От горы высокой
Протекла в низину.
Темнотой далекой
Поглядела в спину.
Там, на краю света
Все тебе не свято.
Заблудилась где-то,
Сном душа объята.
До щеки и ветка
Не твоей коснулась –
Не нашла ответа,
Ни к тебе вернулась.

1989

Отчий дом

Тихо ночь пролетает
Высоко над землей,
Сквозь решётчатый ставен
Лунный свет, кочевой.

Я дыханью без меры

Грудь в полон отдаю,
Распалённое тело,
Да и душу свою.

Не суди меня строго
На обратном пути,
И за двери острога
Никогда не входи.

Здесь железом колёном
За серебряник гнут.
Чернью крыты иконы,
А псалмов не поют.

Прочно ставлены стены
На высокий забор,
В кровь истерты колена
От безчисленных ссор.

Не угнаться по следу,
Не дойти на постой.
Не умыться от бреда
Ключевою водой.

И у каждого проза,
Портупея с плеча.
И текли молча слезы,
Да коптила свеча.

Все престолы облиты,
И печаль завелась.

А для ловли молитвы
Не починена снасть.

Нет иного закона,
Кроме ямою рыть.
За пустым разговором
Я не знаю, как быть.

Ты в слезах и ко гробу
Страсть свою не взыщи.
Здесь от отчего дома
Затерялись ключи.

Февраль1989

* * *

Не в меру света темному окладу.
Не много пепла в доменную печь.
Как встретилось? А ветка на ограду –
Не та же, часом, у придворных речь?

И пусть не близки усыпальниц своды,
Не вечной страстью созиданье жглось.
От жарких губ целовано не много,
И многое конечно не сбылось.

И нежных рук святую дрожь узнали,
И слов нашли заученную твердь.
Но те глаза, уж полные печали,

Нельзя преодолеть.

Одна надежда – хором ворожбы
Шута извечно колокольчик звонкий,
Печаль надолго – век любви короткий,
Все остальное вечно суеты.

1989

* * *

Я верил вам разбитые святыни,
Души моей доверчивые сны.
Но как дитя, наказанное ими,
Не узнавал в них временные сны.

Пустой игрой мечталось все подвластным –
Безопасность вечностью, а вечности своя
Уступчивость законам бытия,
И мнилось верным и бессмертным счастье.

В домашних стенах утомлённый мир
Казался зеркалом блистающих созвездий.
Теперь насмешкою здесь славится кумир,
Своей игрушечною мезью.

Теперь ничто святынь не возвратит,
Теперь ничто безвременью оставит
Воспоминанья, может быть, заставит
До самой смерти и о них забыть.

Февраль 1989

Благодарю

За все мое исчезнувшее детство,
За всю в губах закушенную юность,
Благодарю всебожескую щедрость,
Земную верность и людскую глупость.

За прежних мук, присущих лишь пороку,
Нести святые не к святому мощи.
За дар даров сующих в мою руку
Знакомым видом на Сенную площадь.

За мир живых, мир мертвых, мир хмельных,
За суть раздумий именем безпечность.
Благодарю пророчеств злую вечность,
И самое не сбывшееся в них.

Февраль 1989

Возвращение к Пастернаку

Вечерних сумерек капель –
Не пропасть ль за оконной рамой?
Цепная травля или драма?
Нет, просто на дворе апрель.

На целый год, на целый век
Теперь нет спячки, нет коросты.
Ждать заждались, зиме покорствуя,
Пока растает улиц снег.

А улиц снег опять валит,
Не тот лиловый, постный, нежный.
Добился стук дверной нездешних
Нескладных нот, сбегает с крыш.

Брести туда, искать ответ,
Той мешанине красок. Следом,
Из нареканий полураздетых –
Домашней копоты обет.

Домашней копоты обет,
И сорных трав, и храп угарный
Полжизни ржавых ламп ладанных
По коридору на просвет.

И тянет мыслью все сложить
В чулан, в шкафы, все вещи, кроме
Одной твоей простой иронии,
Как можно с этим долго жить.

Как можно с ними долго ждать
Пока поднимут днищем вверх,
Подобно, как корабль на верфях,
Ещё одну мою тетрадь.

Где все стихи, одним нутром

Ни капли сытых, точек нужных
В прихожих, кухнях, а снаружи
Чернильных луж, и за окном...

За тем окном, не морща нос,
Проходит дождь не веря в восходы,
А скрип дверной из года в годы
Из моды вышел – всё всерьез.

И что нам снег, и что потом
Латая кровли зубы стиснув?
А там весна листвою книзу
Глокает воздух лишним ртом.

И вот зима идет на спад,
И жаль, что за весной не осень
Своей листвою простоволосой
Затеет пышный листопад.

А дальше – птичья свиристель
Нарежет с цельных слов отрезки.
Полжизни спорить было не с кем,
И не с кем спорить и теперь.

Апрель 1989

* * *

Я ненавидел вас, теперь люблю.
Любовь пройдет – я стану равнодушен

К теплу и холоду – душе своей послушен,
Пьян – для того и пью.
Пусть мир зардеет кровью на корню,
Блаженных слез готического Рая
Я не терплю – не за себя молю,
Из жадных рук у смерти вырывая
Забывчивую душу – сохраню.
А то, что пьян – так для того и пью.

1989

На четыре грани

1

На четыре грани
Две длани.
На узок порог
Пара ног.
На посед у печи
По одной свечи.
А когда упокоится –
Тогда Троица.

День сиди,
Ночь сиди
Семя веянное,
Недосеянное.
Глядя на грозу
Осуши слезу,

Не озлобится
Богородица.

По дороге шли –
Дом чужой.
Постучали в ворота –
Нам отперли.
Поглядел на гостей
Апостол Пётр –
Собак спустил.

2

Словом пишется,
Сердцем дышится.
Уму малому
Думать жалобу.
А большому сесть
На престоле честь.
Только вещему
Делать нечего.

По тропиночке
В лес глухой...
Ночь поющая,
Соловьиная.
А по улице
Не заблудишься
Ох, мне чуется
Скурвишься!

Богоявлен сон
К богу на поклон.
На поклон-гору
С людом нищенским.
Кому бить челом,
Кому ползть червем,
А кому безгрешенным
Быть повешенным.

З

Говорить, глядеть
На какую треть,
На какую спесь
Не позариться.
Разгулялася
Казачья плеть,
И в своих грехах
Не покаяться.

Огулялися
Вусмерть пьяные,
По воскресным дням,
Кроша хлеб свиням
А мать причитать:
«Что ж ты сыночка
Со всеми святыми
Панибратами?!

Песни звонкие,
Глаза шалые...

Так разбуйствовал,
Раздосадовывал...»
«Сабля точена,
Речи кончены.
Не помяни мать,
Двум смертям не бывать!».

Апрель 1989

* * *

Не уготована земля
К святым причастиям.
Мне уготована земля
Содомной страстью.

Не для ее сырой земли
Иконы ставят.
Чернёной статью Даниил
Глядеть устанет.

Душа слаба, не по плечу,
Не за плечами,
Чего крещенного ищу,
Вяжу ремнями?

А сам в неведомом ведом,
От глаз утаен.
Что прячешь нож, иль не причем,
Как Ванька Каин?!

Пустые кружева прясти –
Чего в них проку!
На волю лучше отпусти,
От нас далёко.

Лучина тлеет – не горит,
И кровь не греет.
Дорога что-то уж пылит
Из Иудеи.

Апрель 1989

* * *

Печали сходят, как снега с вершины,
И черных скал ничто не тяжелит.
Любовь прошла и только взгляд пустыни
Прощальным диском в вышине горит.

Там в пыль истерты древности скрижали,
Стоят склонено темные кресты:
Чей прах вы гордо с небом обвенчали
В последний раз над мной озарены?

Не той ль любви, что скрытыми очами
Ласкает взор – той нет уже любви.
Но мрачной тверди бледными лучами
Мой озаряют мир растраченный в груди.

1989

Письма из молодости

Я отрекусь от вас на этом свете,
Не стану писем ждать издалека.
Я не спрошу вас с грустью – « как живете?»
И не услышу ваши голоса.

За той же скукой темноты тревожной,
Когда за скукой черная тоска,
С вас не спрошу, вам ничего не должен,
И не услышу ваши имена!

Вы где-то там, за медленным вращеньем
Земли моей, как отвлеченный дым.
Своим до гроба вечным увлеченьем,
От счастья с отречением своим.

Май 1989

Псалом

Я Бога за вас молю –
Вспомните.
О малом, что подле вас,
О совести.
О слабом огне лучин
От скудости.

О страшном грехе причин
По глупости.

Я Богом за вас молю
Воспомянутым.
Минутным Богом, благим,
Обманутым.
О звере в лесу глухом
Без сытости.
О слове в устах немом
Без близости.

О том, что вдали от нас
Шелохнется.
О том, что в груди у нас
Задохнется.
О ветвях на крутом берегу
Склоненных.
На высоком кресте, о том,
Казненном.

Я Богу за вас молю –
Не сгубится.
О том, чего не люблю
Осудится.
О благах земных, о сочной траве
Овечьей.
О бедах, о радостях
Человечьих.

Горящим, что на алтаре

Ставится.
Чем сердце пока живет,
Чем славится.
О том, чему за душой
Не сбыться.
Смеется что за душой,
Что злится.

О том, что земным постом
Не свято.
Распявшим молю, и молю
Распятым.

1989

Шестнадцать лет

Незнамо как, но это чувство боли,
Как лед, как блажь нетленная, как цепь.
Узнав прощенье чувствовать, как в крови
Безсилье, зависть, как кинжал, как смерть.

За всепрощенье видеть в тех же лицах
Один на все читаемый вопрос,
И боль, и страх – покой нам только снится,
И столько мук, и столько в муках слез!

Я не привык с рожденья взглядом, речью
Просить ума у исполинских ног.
Ведь мне прощать вас незачем и не чем –

Печальный юности итог.

И сколько было, сколько будет мщения,
Велик соблазн – им полон каждый миг,
Ниспослан будь – отмщю не за вторжение,
За тайный крест ниспосланных обид.

Да, мне шестнадцать, и как в клетке бьется
В тревоге сердце – вместе с сердцем бьюсь.
Нет, не коснулась бездна, но коснется,
Пусть прикоснется – пусть!

Все мои годы и весна нетленны,
Но ждет Флобер, и с полки смотрит Брут.
Мой древний мрамор и пейзаж настенный
Самозабвенны, как шопеновский этюд.

Май 1989

Невский дом

Беглым стал, богоявлен вровень
Всем лобзаньям и всем низовьям
Полных рек в дорогом раю –
Вот за это благодарю!
Благодарность тебе нужна ли?
И моя ли в тебе нужда ли?
У извилистых рельс меж зданий
От тебя ли я устаю?
И ещё за суму и холод,

За обмыленность бритых бород,
Что иду, поднимая ворот,
Ненавижу и так люблю!

Серость улиц и старость слов,
И горбатая снасть мостов.
И не старость согнула ветхость –
Петропавловской лучше крепость.
Чернотой своей легла
На оброк моего стола
Золотая любви оправа ,
До окраин брести устало
Обреченным со всех сторон –
Души вором мне невольный дом.

1989

Рондо

Нот перечесть бы – город, засыпая,
Пяти беззвучных линий – мертвый город.
И леденящий – застегивая ворот,
И буфера, гремящие о камень.

Трагическое было что-то – без «умеренно»,
Забрызган кровью – «престо» – подворотен.
Трагикомическое тускло, двух из сотен,
Кошачьих двух зрачков нацелено.

И не Парижем – Питером – случайность.

Ошибся шелест книг, ошибся шорох.
Густое «до» с библиотечных полок,
И много после утреннего чая.

От тех вечерних сумерек затишье,
Затишье тем ли, что не лечит грезу.
Таких простых убийственных словечек осыпь
По-моему я в детстве где-то слышал.

В той трубочной мозаике лазури пешей,
Сидел, ног свесив с крыши голубятни.
Посвистом ли, нашествием, Бахом, Босхом,
Еще достойней всех из сумасшествий.

С каких пустынь песчинок рукавами стертых
Я вынул? – сколько было жара, рвения!
Каких тебе я не читал элегий
О каменных Офелии бедрах!

Я вынул плача – о, окаменелость!
Святая облачность – на слом всего причастья.
А Питер все стоял, сгущая утреннюю свежесть
От счастья.

Май 1989

* * *

Я опишу вам свет: словам Писания
Не будет места в нем.

Я опишу вам свет: цвет красный
Будет в нем страдание,
А цвета счастья, цвета счастья,
Нет.

1989

Храм

Ты причасти, я губы поднесу,
И жадно поцелую руку.
Прости мне злобу, зависть и тоску,
Но не дай до конца расплакаться испугу.
Я так давно не верил никому,
А здесь легко на сердце, ночь, лампадка.
Не отмоли, хоть вспомни жизнь мою,
Она и так избылась без остатка.
Мне чужд твой дом, родного не нашлось,
Мне бытие иначе истолковано.
Не с чистым сердцем, не с душою врозь
Зашел я на чужую сторону.

1989

Спас

Все молчишь? А о ком молчишь?
О летах, о страстях-распятьях?
Все даришь, а кому даришь?

Им, летам, им страстям-распятьям?
Что тоскуешь, как Спас в крови?
Что же жжешь и меня проклятьем?
Каждый камень святой земли
Заклеймен золотой печатью

Грешных бог повелел прощать,
А безвинных сгноил в канаве.
Нынче Спасу в крови стоять,
Даром, что в золотой оправе.
Что глядишь то все издали?
Что же жжешь и меня проклятьем?
По закону чужих святынь
Мерят святость земною статью.

1989

Несрочная весна

Несрочная была весна,
Небесные качая своды
Ждала - в незапертые створки
Окошек взглядывая, зиму прожила.
О прошлом не сказав ни слова,
За временем своим покорно
От пристаней до рам оконных
Часы перевела.
Качали мачтами вдали
Проснувшиеся корабли,
Теряя опытность созвучий

Приподнимались от земли.
И над глубокою рекой
Летели в небе облака.
И по широкой мостовой
Покровом снежным – синева!
Высокие чернели башни,
Пустынны городские набережные
Жгли уличные огни,
И ждали ветра корабли,
Не веря в даль и в расстоянья,
От ненависти до любви!
Стряхая тощие метаморфозы
По улицам – газеты клочьями.
Засматриваясь до хлебных крошек
На окна залетали чайки
Без спросу вдохновеньем ставшие,
Подушки мокрые от плача
В каютах корабельных пряча
И сон ночной, и дом ночной –
У кафедральных стен стояли,
Речным нутром кипела в баках –
Развешивала белье.
Туманом утомленный воздух,
И запахом почти каштана –
Скрипит консоль, рассохлись сваи,
Печально опустился мост.
Заламывая законным правом,
Заламывая законным чувством,
Закатывая рукава;
То, слыша жестяных рулад
По крышам, то повыше скача,

Но как стояли, так стоят
Обноски великолепных башен!
По случаю нескладной речи,
Случайностью случайной мысли,
В бессилье непосильной речи
Рукоплесканьями осыпана.
И утомленную казалась,
Трамваем пахла или почтой.
Ждала и в шутку и всерьез
Метафор и метаморфоз.
Без глупостей и пересудов,
Сдувая с занавесок шелк,
Качаясь лязганьем рессор,
А в доме от двери под стол
Детский закатился мячик.

Май 1989

* * *

С годами прожито не много,
Река из слез не глубока.
И только дальняя дорога,
Мечта о прошлом и тоска.
И только грустные напевы
За эхом проклятой земли.
И расцветающее небо,
Где мы с тобой погребены.

1989

* * *

Нет горше материнских слез,
Они текут, не ведая стыда.
Они твои, текут без меры – много,
Всю будущность мою измученную знают.

В них более сокрыто,
Чем смысл таинственного значит.
Тогда сыновьих не хватает мщений
За всю открытость их, за всю их наготу.

Но холодно на сердце – отчего?
За долгой участью их слышать ... – отчего
Не вижу пред собой знакомого лица,
И жизни я своей опять не понимаю?

1989

* * *

Урочище судеб –
Людское, и время
Неумолимо.
Изгнанием движим,
Изгнание длящий
Чужой стороною.
Чужою личиной

Подножия ставший
К сходу лавины:
Не сердцем идущий
На горные склоны
И жаждущий вечность.
Священнодействий
Воинствующий ищет
И робость и кротость.
Того, что с рожденья
Не слепой, не зрячий
Найдет под рукою.
Наместником ночи
Прибудет и скажет
И Делом и Словом.
Вперя в душу очи,
И будет им дочерью,
И будет отмщенным.

Июнь 1989

* * *

Здесь та же ночь и черно в куполах,
И кто-нибудь в грязи затеет драку.
Одна звезда и судорожный страх,
Не выгонишь из дому и собаку.

Здесь некого прощать, хоть в голос вой,
И до смерти здесь некого обидеть.
И грудью заграждать и потаскать спиной

И даже ненавидеть.

И с улицей моей уж свылся стон
Надежд, о сколько, не сбылось здесь мнимых!
Упущенных со всех сторон – о сколько
Невозвратимых!

1989

Эскизы

(Реконструкция поэзии 70-х)

Станет долгою
За окнами
Зима.
Станет долго ждать
За окнами
Рассвет.
Заметая
Снегом
Купола.
Заметая
По дорогам
След.

Не сведет туда
Ни радость,
Ни тоска.
Тридцатым видно

Царством
Не дойти.
Видно для уже
Заглавия
Листа.
Видно для уже
Заклания
Грудь.

Никуда ведь
За собой
Не позвала.
Не свела душа
Ни к храму,
Ни во гнев.
На Пертополь
Пеши́м, конным
Подала,
Шёлком нитку
Да в иголочку
Не вдев.

Распахнула
За рубахой
Ворота.
Стала в полный рост
Душа,
Окаменев.
Стало быть
До удали
Пора.

Вспять,
Не на распыл,
А на распев.

А, то тесно
Капищу
Расти.
А, то очи
Застил
Горний свет.
Суета, тревога
Отпусти.
Отведи туда,
Где свода нет.

За реку
От удали
В полон.
До Земного
Верного
Пути.
Вытирая
Губы
Рукавом,
За руку,
До дому
Отведи.

Не цветут
Под саваном
Цветы.

А поют
Под саваном
Псалом.
Раззвонили громко
Звонари
Вещий звон
За Охтою
Рекой.

Только
Речка та
Не глубока.
Стара новость –
Видно
В бороду.
Видно
Родом
Лесть
Издалека.
Слышно было
Ее
За версту.

И жива ли ещё
Джива
На току?
Перебрались казаки ли
Через Дон?
Может, ли,
За ними
И дойду

С четырех
Низложенных
Сторон.

А дорога
Наглядится
Вслед.
А душа, взглядишь,
Напьется
Слез.
Слышимо раздолье,
А рассвет –
Перекинут за
Дворцовый
Мост!

Закопной
Смоляной
Кормой.
Весь норд-ост
Задующий
Хамсин.
Тяжелее
Сумеречных грез,
Донизу
Опущенных
Гардин.

Июнь 1989

* * *

Прочь, и надвое, руки опустит,
Заберет по крови – мое.
Вышний сад свежей сомкнутой гущи
Отвратит и откажет – на взлет

Ранних утр слишком тайна расцветка,
В них и первых страниц переплет.
Жаль года исчезают безследно,
И никто их тебе не вернет.

Переулков пустых, и течений,
Между трещин, асфальтовых луж,
Погибать за свободу творений,
Вечно загнанных в поиске душ.

И по той же не ровной дороге,
Той же гарью вчерашней, в ряды
За безмолвьем дымятся эпохи
И несут им живые цветы.

Мимо старых, забытых и сущих
Сотен жизней в лицо не узнав –
По стопам, только теням присущим –
Тяжесть книг, или только их глав?

Лучше вечность пусть будет не близкой,
И святая святых как в бреду.
Лучше не быть душе слишком чистой
Не на этом, на том берегу.

1989

Стихи дилемм

Над пропастью разрозненных бумаг
Что осмысление корыстным знаньем?
Что речь моя, что сердце, что сознание?
Что чувства унижительная страсть?
И, в сущности, не страсть излишеств,
А именно такая ж точно страсть
Не вычисленная числом и счетом,
Не высеченная иероглифом на скальном,
А обернешься – не слова, а догмы
Не высшие законы – зал читальный!
За целью восхожденья, цепью токмо
К харизме возбуждающей перо.
К иронии – не многое возьметса
В насмешку над собой,
Но рядом,
В глубинах мысли, в порах отреченья,
На кончиках дрожащих пальцев,
От времени патриархальных красок,
Немыслимо, неподражаемо
Брейгеля холст.
Похожим чувством, близоруким, тоже детским,
От мнимой героической любви,
К подобным благам... – сжечь? Но если честно,
То бесконечно жаль.

Июнь 1989

Поминальная

Сон или явь или прошлое?
День или ночь?
И тогда он снял седьмую печать –
Сердцем вздох, телом зернышко всхожее.
И я видел семь ангелов –
Была высь, стала речь, выше слог,
Свету – дымная чадность –
Золотая кадьница.

Обескровлен источником вод, мнимых слез,
Сладка горечь полыни.
К чаше Агнца дареная кровь –
Убелила одежды.
Чёрно прошлое падшей звезды –
Отворить кладезь бездны.
Слышно плач – царством власть саранчи –
Очищение.

И волосы видом лозы,
Рядом женщины.
Сложит крылья под стук колесниц
В бреду человеческое...
Или сон или явь, иль на лица похожее?
Ни на траву, на деревце...
По душе снять седьмую печать
Пред жертвенником.

И дано им семь труб –
Жаром огонь, чище кровь, ближе казнь
Аваддонова.
Одно горе прошло – будет два:
Не прощенный царем
Пятый ангел.
Ибо Агнец, пасти их живого среди
Не земного престола –
Псевдо жажда, Богом дочь, пекло, зной –
Чревом засуха – смею ли?
Вера клятвам Живущего во веке веков –
Убитым быть.

Июнь 1989

* * *

Место рождения – приязнь жизни.
Временность – очищением рук.
Слово – низиной ручья.
Грядущее – страстью!

1989

О любви

По тому состоянью любви
Названному человеком прохожим,

По тому, что названо любви состояньем,
И названному кем-то – прошлым.
Ни к чему о делах вспоминать
Переходом от сравнения к сравненью
Словом, и к слову примеркой,
Ожиданьем людских типажей
Старой утвари – много ли стоят?
Безнадежные взгляды безнадежное копят,
Ничему невозможному словом земным
Видно совесть стара
Лишним годом
Покуражится Богом своим.
На краю устоим.
Да без старого – долго ль?

Август 1989

* * *

Покровом Солнце.
С утра колокольчиком,
С утра звенеть.
Жизнь – ниже,
Затверженная поза
До выговоренных исчадий
Несть
Слова,
В словах рутина,
Аз мира –
Жирно,

Чего не есть.
Не должное, несусветное
Ожиданьем сыра,
Не выстраданное
Обрести.
Отрада -
Плеча ночь тайная -
Ископаемое
Размером -
Сезам.

1989

По улице Герцена

Мир от ноты до,
Мир до ноты фа,
Фа - посередине
Ноющей кифары.
Переливом скрипки,
Басовой струной
Фа - не до распевки -
Щелкнет камертоном.
Впереди у речи,
Выдохом в груди,
Мир ли бесконечен -
Дом седому Баху?
Мир до ноты ре
Переходом к миру
Будет впереди,

Быв посередине
Черного рояля,
Черных линий нот.
Ля – изнемогая
До изнеможенья
Задыхаясь гаммой,
Гаммою пожара –
Фа ли не фагот?
До его звучанья
Сажею тюремной
До – идет вначале
Нотного листа.
Следом годы жизни,
Вехи, расстоянья.
Кажется усталой
Старая Москва.

1989

Своеволие Кармы

Скрип телеги,
Голос игумена
Об отомщении –
Тяжкая поступь.
Кость синагоги,
Старость Картезия,
Догму и муку
Сердце нашло.

С тысячи на три
Числом и осью,
Смазанной миро,
Миром помазанной.
Смоквы сытней песок
Шагом сандалий,
Как не топил бы
Эвроклидон.

Неразрешимо
Шьет нитку Шива.
Образы Брахмана,
Толкованья Самхита.
Гимном Ригведы,
За или заступом.
Или слеза
Под стук колеса?

Пахнет жасмином
Свежо и сладко.
Запахом нежен
Светоч цветка.
Детской улыбкой
Может ли злиться
Смеющийся Будда
Своеволию Кармы?

Август 1989

Осенние мотивы

С. Виноградовой

Дождями не тонет,
За стеклами дрогнет
Изящностью стрелок
На темной стене.
Вслед времени лишнего
Взгляда не бросит,
И ветром наклонит
Кроны к земле.

По увядшему саду
Летя листопадом
Гремя по карнизам –
Вакхический танец.
Речной пьянит запах,
Разграблен, разгадан,
На стеклах удушье
Прощальной грозы.

За словом похожим
На слово признанья,
Заученной фразой
Любви и отрады.
И многому, многому
Сердцу обязан.
В уста целовала,
Меня целовала...

Входила без стука,

Без звука сгорая
Позолоченной
Алмаза по грани.
Дыханием нежным
В уста целовала,
Щекой припадая
В моё забережье,
В моё непрозреньё.

Сентябрь 1989

* * *

Осень ...
Твой шелест мне подскажет много строк,
Каких никто и никогда не слышал.
Вот вымаран еще один листок,
Вот снова дождик набегаёт с крыши.
Не все – молчанье – дачный уголок,
Когда и стены тоже много слышат,
Не знает ветра нежный лепесток,
Сквозь облако – лучи на крышу.
Какою-то невзрачной тишиной
Дом полон блеска, а никак не дышит.
И каждый шорох припадает ниже –
Так ласточка летит последнею грозой.

1989

* * *

Среди бесплодной пустоши гордынь,
С одной остражкой и в одном исподнем.
О сколько в них пророческих святынь,
Вчерашнего – сегодня.

И сколько злых, дочерних новостей –
Надуманно дурного.
И сколько злости в радости моей,
И сколько в ней пустого.

И сколько вкралось мнимых величин
Глядеть на мир с высокого помоста.
И сколько веских отозвалось причин,
И сколько косных.

Похожих страстей на одну печать,
Вины похожей на конец дороги.
Одной заботой сколько было ждать
Исканий многих.

Святой вершины тянет на распев
Приходит время возвратить к истоку.
Привычкой взять один бравадой всех
Земную ноту.

Сентябрь 1989

Град Божий

Ненастье, дождь, иду, как обреченный,
А город спит, величие храня.
И смыта с улиц ночь и в окнах отраженна
Передо мною русская земля!

Я предан ей, рождён с ее судьбой,
Рожден любить ее без дум, без возражений.
Без имени любить, и грешной и святой,
Моё же все-таки в витринах отраженье!

Моя здесь кость, моя душа, мой взгляд.
Моя тоска, мое живое сердце.
В какой еще земле мне сердце уязвят,
Затоптанным по ноги совершенством!

А городу, быть может, счастье снится,
Быть может в ослепительных чертах.
Мне есть чем жить, мне есть о ком молиться,
Мне есть по ком звонить в колокола!

Сентябрь 1989

О людях и Человеках

И остались они,
Им вживаться в новые роли
Не с руки.
Им высмеивать чувства свои –
Те последние с первых заглавий

В том же месте – семидесятых,
Будто чувства утраты
Эпохи прозаик –
Был седой, тьмой подбитый старик,
В допотопном, чуть суженном фраке.
Всё московское, бледное, серое, долгое,
Переулков святых пустота.
Тот же запах закусовых в них,
Те же камни пустых мостовых
Всё влекут в захолустье куда-то.
По Каретному ряду – обратно,
Дан ли тот же эпохи мне адрес,
Или шлёт заказным?
И срываю печати
С милых уст – ныне беглым,
Узнаю по знакомому шагу, нашествием
Отошедших в сторону от нас
Но – живых.
Где заклеены окна газетой,
И скулит на дворе дряхлый пес.
Знаю, в полном сознание,
Что-то было и в этом
Ожидание великих свершений от века,
Полном значенья и слез.

Сентябрь 1989

Ахматовой

Мальчишескую зависть преодолеть,

Смотри спокойствия не пустынный храм
Стихам волнительным и строгим..

И ближе к притвору окон восточных,
Литых окон, облокотясь во взгляде
На пристань вечную -

Святые имена
От времени доносятся минутой,
От времени давно постылых слов.

Нельзя ли как-нибудь к ним обернуться?
Узнают прежний, вымазанный кем то,
Не той же краской дом?

Нет сложенных элегий на Фонтанке.
Скупа своим великим суета,
Старухой ходит, по грязи подол.

А двадцать лет тому назад ищейкой
Душа вынюхивала холода,
И греться забегала к свечкам -

Теперь лишь до стола.

Мечтания остыли на Фонтанке.
Остановились - в окнах гасят свет.
Теперь лишь до угла.

Высокая лирическая страсть
В тон еле дышит - косная двадцатым веком

Походка.

В удел печному дыму из трубы,
Не слышно возражений веских –
Разрушен храм.

Сентябрь 1989

Ловец душ

Ноша твоя тяжела,
Тяжка десница.
Море бушует – молитва
Ставши лавиной.
Став – за грядою гряда
Образом смутным.
Дому иду на поклон,
Кланяться буду!

Солнце не солнце – а звон
Став молчаливым,
Звоном бушующих волн
Став колокольным,
В суетных речах не чист,
Выстрадав – давший
Образ тебе, только ты –
Не пострадавший.

Сующий камни в отсчет –
Камни ли хлебы?

Время не ждет, а грядет
Участью веры.
Образы шепотом мерь
Стоя
Тебе ли качать колыбель
Морем?

Сентябрь 1989

Голгофа

Дух скорби, дух вечной животной скорби
За тех, под обломками бытия,
Иудейский царь, Ты земли прохожий,
Иудейский царь – принимайте царя!

Здесь, Ты знал, каждый бежал и кричал, «О, Отче!»,
И не было, быть не могло светлей,
Ярче звезды голгофской – проще,
И лица безумцев тянулись к ней.

Никто не был бессмертным, и вот Он ожил,
Дух скорби вырвался из груди:
Иудейский царь, Ты земли прохожий.
И каждый сказал Ему – проходи.

Сентябрь 1989

На счастье

«Как жила? На счастье
Слезами ль крестила?
Поминала ль словом?
Или - не любила?»

«Счастье как расскажешь?
Что болезни - хворью.
Что во траву ляжешь
Солнцу в изголовье».

«Иль как ждала ночи,
Немо и незряче,
Как слипались очи
Твое сердце пряча?»

«Счастливо, мой милый,
А меня не слушай.
Охладилось сердце
Зиннию стужей».

Никого на прижить
К дому не водила.
Только горько, нежно,
Одного любила».

«А ждала ли долго
Ставила ли свечи.
Заплетала ль косы?
Покрывала ль плечи?»

«Выходила за ночь
Плакала не много,
Старость повстречала
Стоя у порога.

Во далекой смуте.
Знаю ли – тоскуешь.
Во чужой груди ты
Никогда не будешь.

А когда запнется
Сердце на пол стуче,
Дочиста отмоеет,
Заломает руки.

Больно не замучит,
Дорогово стоит.
За тоской падучей
Сердце успокоит.

Не тоскуй, мой милый,
О тебе все крохи.
На тебе сойдутся
Все пути-дороги».

1989

* * *

Вода по капле, кап да кап,

Как не роскошествуй, не бедствуй.

Вода по капле, кап да кап,
Так каплет с темноты небесной.
В крови, я чувствую – река,
А станет ль морем – неизвестно.

1989

Светлая река

Не может светлая река
Темнеть от солнечного света.
Не могут облака без ветра
Глядеть на землю свысока.
Мне прошлого, поверь, не жаль.
Оно должно быть неизменным.
Оно одним прикосновеньем
Не может, не должно прощать.

1989

Родной Земле

Не хочу, чтобы жила ты чувствами скрыта
Ведомая темной стезей.
Чтобы радость была острожной, цепью и криком
В сердце твоём.

Чтобы растить дитя не было не зачем,
Жертвою продымил исток.
Пронести тебя рекою медленную
Не мог.

Чтобы вырвалась душа в такую святую блажь
Утешением воскресать.
Чтобы высью стоял на небе страж
И не знать!

Сентябрь 1989

Случайные строки

Звенит хрустальной вазой осень,
У снежных елей гордый вид..
И дни и ночи снегом порознь...
А город мрачен, город спит.

Субботный день особен в тайнах,
В преддверье уличных стихий
Особенно не так читались
Цветаевские стихи.

И в душных дебрях комнат слуги
Потоки стен, ветра картин,
И титанические муки
У паука и паутин.

И в фонарях еще не ясны
Живые образы Москвы –
Не ярко светят, долго гаснут,
Не поднимая головы.

У ранних утр свои томленья,
Ночная гладь пустых дорог
Уже приходит в изумленье
От звучности случайных строк.

Октябрь 1989

На Покров

Колокольчики звенят по ту сторону,
Ото сна по стороне дома высокого.
Сбереженное нести дорожке нового,
По сугробам перелив ярче золота.

По дорожке луны светом очерченной,
У стола свеча горит очертогами.
Чище зеркала жива во глазах молодость,
Благостью речей дорожка будет застелена.

Колокольчики звенят чище звонкого,
Уже солнышко во ответ подымается.
Легким ветром заплетет косы русые,
Переливом семицветьем серебряным.

За устами-словами целованными,

За летами, поцелуями похожими.
Чистой поступью и чистыми помыслами, –
Велика нужда собой дорожить.

Декабрь 1989

* * *

Крест высокий над могилой,
Озаренная луной
Та могила – спи мой милый,
Спи сыночек мой родной.

Так судьба распорядилась,
Так пришла и за тобой.
И моя душа закрылась
Словно крышкой гробовой.

Я могилку всю оправлю,
Я цветочков насажу.
И зеленою оградой
Я тебя огорожу.

Чтоб спалось тебе покойно
От печальности земной.
Чтобы все тревоги мира
Пронеслися над тобой.

Спи мой светик, спи любимый,
Пройдут горе и тоска.

Отчего своей кручиной
Не сойду к тебе сама.

Крест высокий над могилой,
Озаренная луной
Та могила – спи мой милый,
Спи сыночек мой родной.

1989

Эскизы (2)

(Реконструкция поэзии 70-х)

Тайной спеси
Мир ли тесен
Лебеда.
Спеси тайной,
Тесен, гари
Города.
По сырому от канав
По провода.
Где не близки,
И не чисты –
Ставим крест.

Путь указки –
Знаем сказки
Наперед.
На парад –

Степенен город –
Лопухи.
День на убыль,
Урны, трубы –
Недолет.
Не назад, и не вперед – ы –
Стоя так!

Смазан медом,
Сдобрен солью –
Ну, калач!
Руки липки
После пытки –
Широки.
И последний
Не последний
Невский мост.
Брюки узки
В стиле ретро,
И пиджак.

И очки с двух сточных рек
И до колен.
Родом с Сызрани,
Что с дудкою индус.
У калмыцкой степи
В ступе
Холода.
Посадил в степи
Боярин
Маков куст.

По Дворцовым,
К дому, тропам –
Алтари.
К жару, домнам –
Дым стелится
Заводской.
Раскачали ось
Земную
От земли
В три плеча
Свечой
Егор,
Аким,
Иисус.

Где двадцатый век
Мозаику чертил.
До черты,
В снегах,
Добрел
Береговой
Слез с креста,
В салопе
Снес
Иконостас.
Не того святого
Над землёй
Взнес.

Место спящим

У Авесты –
Ипполит.
Спящим место,
Где не тесно? –
Мавзолей.
Сто страниц
На сотню спиц
От колесниц –
Сто гробниц
Еще не вспаханной
Земли

Декабрь 1989

* * *

Как будто сердца юная мечта
Меня тревожит чистым побуждением,
Но, вам клянусь, проложена черта
Между исканьем и пустым стремленьем.

Холодный мир спокойно утолит
Любви не зрелость в зрелые приметы.
Я много видел беззаботных лиц
Торжественно не узнающих света.

И много чувств и слов полуживых,
Которых человек достоин.
Спокойствием насмешливым для них
Я в этом чувстве успокоен.

Но вам клянусь сердце не обмануть,
И молчаливым дням не дать прощенья.
Когда святое музы вдохновенье
Мне не дает вздохнуть!

1989

Тверской бульвар

Е. Роговой

Простые, должные стихи
Морозной пылью жгут страницы:
Мы жили, помнится, в столице,
Величественной, как шар земли.

Ты в самом сердце, на Никольской.
Я от Тверского в двух шагах.
Мы влюблены, но не на страх.
Любовь у нас такого свойства:

Я ждал до сумерек горя,
Любви часов не наблюдая -
Ты шла, превратно понимая
Мой пламень, на каблук глядя.

Я видел, всматриваясь вдаль,
Тверскую в обмороке снежном.
А сердце полное надежды

Уже тревожила печаль.

Ни жар ее не утолим,
Ни холод вечного покрова.
Случайно брошенного слова
Вменяем сердцем смысл один.

Исчезло в облике твоём,
И вот уж много позабылось,
Так, глядя в пропасть, смерти ждем,
А это – городская сырость.

Ты говорила – это страсть,
Я соглашался – вдаль дорога.
Я скуп был на нее немного,
А ты не научилась красть.

Закон был за руку не брать,
Как подходили ближе к дому.
Когда высокие сугробы –
Ты позволяла целовать.

Валил на плечи снег – с презреньем
Перчаткой смахивал тогда.
Я может и сходил с ума –
Не посвящал стихотворенья.

Галдеж проспекта, слякоть, грязь,
И никакого эпилога.
Конфеты в радужных обертках
Тебе носил я каждый раз.

Декабрь 1989

А. Приймакову

Стелется за дымкою рассвет,
Будто Богу тоже нет покоя,
Там, вдали за необъятным полем
Тянется струной далекий лес.

Я иду тропинкою ведущей
Меня за руку, как малое дитя –
Сколько тишины, а в ней созвучий,
Сколько счастья сбылось для меня!

Этот мир не так уж неизменен,
Чтоб идти с покрытой головой.
По земле так грубо откровенен,
Так таинствен чистой синевой.

Будто Богу тоже нет покоя
Возвращать отнятые дары.
У меня одной чертой в ладонях
Все Его старанья сведены

И сияют искрами зарницы,
И слетают птицы скучных мест.
И зовут меня к ним возвратится,
И не ставят над землю крест.

Август 1989

* * *

Ничто нас так не удивляет,
Как быстротечность ожидания.
Мы все строги, себе твердим:
Для нас незыблемы, бессмертны
Друзей любимых – незабвенны
И верность, и любовь, а с ними
Преданность и честность.
Желанье очутиться вновь
Поближе к ним, но удивляет –
Быстротечность.

1989

* * *

Возможно или нет,
Во всеуслышание,
Вширь
Храмовой доски
Глядящим
На весь тот свет,
След в след
Иносказаньем,
Разночтеньем,
И тем изводом,
Тому, кто спит

Не зрячим
Что донести?
Устала ведь
Глаза тараща
Душа
Слов говорить
Всему земному,
Тому, кто спит.
Душа иначе...
И не об этом
Не будет блеще
Червонной ризы,
Тому, кто спит.
Устала ведь.
Сама быть спящей,
Изгоем быть.

Декабрь 1989

Ангел

Спи мой ангел, жизнь твоя
Для меня ясна.
Пусть не яркою звездой
Тешится душа.
Пламень яркий опалит
Крылья твои.
На дрожащие уста
Бог не поглядит.
Не откроет в час ночной

Пред тобой окна.
В нем искал ты взгляд лишь той,
Что была нежна.
Ты молитвы знал ее,
Над свечой склонясь.
Но во снах душа ее
К небу унеслась.
Ты ее оберегал
От грехов земных.
Но о чем же ты мечтал
В небесах своих?
Только той, что вверил ты
Дар чистейших слез,
Годы тщетно хоронил,
Свой светильник нес.
С грустью смотришь ты на свет –
Горкою земля.
И во снах душа ее
К небу унеслась.
Ты остался одинок,
Все летишь к окну.
Все мечтаешь встретить вновь
Лишь ее одну.

1989 (1982)

Романс

Тень твоей одежды свет затмит
Безпечное дитя твой дар мне к совершенству отдан.

И не сожжется вопреки огню,
Как холод свеч не обернется в вечность.
Спи,
 не осуждая век,
Не мучая от мира отошедших..
Всё тот же свет в глазах,
безцветное брожение.
Все та же ночь, все тот же Бог, да снег
Влетает в окна.

Тень твоей одежды свет затмит,
Что свыше не дано
 не безконечно.

Август 1990

Нескучный сад

Я, может быть, не верю ни во что,
Ни в тон зимы, роскошной, долгой, глупой.
И не пытаюсь ничего сказать
О том, то стало с ними в эти годы,
О том, что происходит в нас.
О жаждах мира – мелочны и скучны,
Влекут меня иные заблужденья,
Слова влекут, испытанные чувства.

Уж облетел в трудах Нескучный сад
Летит и город за чертой оград
И остаются сквозь сплетенья веток

Вдали проспект и сумеречный взгляд.
И день такой же, серый, календарный.
Пророс от темных окон отчуждением,
И топит жарко от настольной лампы
И без того глядя на белый свет.
На дальнюю за окнами дорогу –
Ценой надгробных плит, знакомых лиц,
Проходит век сближеньем двух столиц –
Дороже города не сходством.
Иная старость, больше чем – стара,
Хранится в нижнем ящике стола.
И памятна исканьем, темным сводом
Идут года за високосным годом,
А вслед моим оградам – никогда!
За многословьем вечных отступлений
Одно, два слова безупречных сохранит.
Все остальное близко к исправленью
И мрачность сводов, и усталый вид.

Август 1990

Душа

В душе не слилось и замирает
Тревогой сердца ночных видений,
Чрез край не вылилась
На чью-то милость, на чье-то сердце
Надеясь.
Душа из тела на землю сбилась –
На злобу века

Речам не внимлет, не ищет мира
В каждом поколенье,
Не жаждет чуда.
На буйство красок, вздымая плечи,
Ища не меры, ища защиты,
Взметнулась беглой, взметнулась – вежды
Сомкнув – прикрыла.
Коры, породы,
Души разломы, души разъезды,
И всюду тесно –
Верёвкой вешать.
Кому, не зная, не познан ночью,
Корму насыпал.
Вернулся ночью Гомером бывший
В свою Итаку.

Август 1990

Откровение

Тому миру
Я б не дал даже малой части лучшего в себе,
Кто Бога видит, с прошлого не спросит,
У каждого подобья скорбный вид
Входящего в мой дом,
Но выше чувства,
Его глаза, взгляд, поступь.
Его заботливость, как к детям.
Тому миру,
Я б выговорил участь на земле

Не чувствовать тепла, идущим к сердцу,
Прощенье нищих духом забавляет совесть
Во имя чьих,
Пустых, не гласных
установлений,
За благо принятое чужим рассудком,
Свое – условность – аксиома жизни!
Что ход вещей осмыслен кем-то
Уже заранее, не может и не должен
Своим умом и сердцем быть и жить?
Хоть полумыслью?
Возможностью любить определяет
И суть и место –
Веку сопричастно,
Всем замыслам, всем безднам вопреки,
Достаточным, сомнительным и ложным,
Искать в них смысл, понятный только им.
Была ли тяжесть бремя изначальной?
Что жалкому, пустому сопричастно?
И только те слова, не значащие ничего,
Помимо тех, что найдены, на ощупь.
Всей радости души моей, всей жизни
Всем существом – задолженность перед Ним.
Каким то смутным обречен покоем!
Какая-то разнузданная нежность!
И, кажется, есть пресыщенье
В том счете дней, в том сроке ожидания.
Как между истинным значеньем
и к нему примеркой
Вдруг разгадаешь тайное.

Сентябрь 1990

Очарованный день

Светлого года
Живые страницы.
Блаженному с воза
Глядя к потолку,
Не богородица снится,
Постояв там немного,
А он, выезжающий,
Тянет – воздам!

А рядом не шепот,
А, как будто бы, хохот
Листвы на заборе –
В мыле по локоть.
С умным так же гогочет,
С глупым – та же история:
Листва на заборе
Погоду полощет.

Охрипло, вчерашне –
Их целая кипа,
В раздачу все чашки –
Мы вроде бы сыты.
Чужая поломка
С трамвайной подножки,
Все взгляды и смыслы
И лица и ложки.

И прёт к нам из списка
Пока что апрель.
Винится апрель
Стать дождем ошарашен.
Волочится, как прачка,
Как брадобрей.
Был бы вроде светлей,
Не будь снегом обращен.

А дальше семейно –
В мелком блюде пшено,
Либо чей-то оскал,
А взглянуть – ничего.
Взять поблеклых домов,
Взять и служб их поблеклых,
Где живут бог весь кто,
И живут бог весть – где-то.

Те же даны счета,
Перелив этот знаю –
Переделка Природы
В другие цвета.
Ты всегда поглядишь
На летящую стаю,
А она улетает –
Есть такая черта.

Тот и руку вознес,
Что архангел в пыли,
Видно было дойдет,

А весну ту за скобки,
До парадных дверей,
Видно время не ждет,
Два сгустивши крыла,
До своей остановки.

Сентябрь 1990

* * *

Денно и ночью
Молю о тебе.
Денно и ночью
Не жду ничего.
Темное небо
Одно надо мной,
И ничего уже
Мне не дано.

Вот уж уснули,
И вот уж мои
Дальние звуки
Без горечи в них.
В них я услышу,
И в них утолю
Бедную душу
Твою и мою.

Ночь проходит -
Темная даль -

Полно грустью
Сердце твое –
Счастьем не долгим
Не утоли
Первое чувство
Первой любви.

Нет, не погодой
Стужею снег.
Нет не дорогой
Вороны кружат.
Ночь проходит –
Горечи нет
Первой разлукой,
Первою болью.

Октябрь 1990

Северная Пальмира

Лишь скромностью своей она о том не знает,
Как хороша!
То, вдруг, расплчется – расплчется душа.
Ее печаль, как в утомленном взоре,
Ее глаза, как северное море.
Дочь севера в унынье красивей –
Все тайно в ней, всё непонятно в ней.

1990

Сенная площадь

Мне кажется, что было так давно
Сегодня ближе, чем Сенная площадь.
Расшиты ярким ледяным узором стёкла,
Встают сугробы в полный рост – зима!
Запутывает далью путь не близкий
Вблизи болотной стужи, если даль,
Запутывает звезды в гривах львиных
Под снежным изваянием аллей.
И по слогам читает повесть спящим.
Легко и просто к небу валит дым.
Дворцы и своды – город – если с ним,
Льдом обрастают корабельны мачты.
Искать не ищут берегов – зима
Ответом к нам подходит слишком близко,
Закутывает в ворот вещи, лица
Под дивный блеск венчальных фонарей.
Под золотом Таврических оправ,
Под изумрудным блеском стекла, плечи, шарф.
И ждут гостей молчаньем слишком долгим
По вечерам.

Ноябрь 1990

* * *

Ты приходишь, когда не жду, не надеюсь,

Словно Бог снизошел, очарован смотрю.
Мертво сердце молчит, взор, душа каменеют,
Обретая тебя, не живу, не дышу.

Нашим редким словам нет иных откровений.
Век надежда не сбылась, сожглись алтари.
Лишь одно предо мной – черной пропастью двери
Невозвратно две жизни разделены.

Ноябрь 1990

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>